

0434

HARLEQUIN®

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Карол Мортимер

ОТ ЛЮБВИ
НЕ СПАСТИСЬ

Почти себе самому

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кэрол Мортимер
От любви не спастись
Серия «Любовный роман – Harlequin», книга 434

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8583509
От любви не спастись: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05403-6*

Аннотация

Бет Блейк считала себя англичанкой из небогатой семьи, пока анализ ДНК не показал, что она – наследница династии аргентинских магнатов, похищенная у родителей в раннем детстве. Несмотря на яростный протест девушки, новоявленный брат приставляет к ней личного телохранителя – бывшего офицера спецназа Рафаэля Кордобу...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кэрол Мортимер

От любви не спастись

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

A Touch of Notoriety
© 2013 by Carole Mortimer

«От любви не спастись»
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014
© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Глава 1

Молодой аргентинец за соседним столиком кафе в престижном районе Буэнос-Айреса то и дело восхищенно поглядывал на Бет красивыми глазами цвета шоколада.

– Вы позволите, сеньорита? – Собравшись наконец с духом, он поднялся с места и с улыбкой наклонился к девушке.

Но прежде чем она успела ответить, рядом возник еще один мужчина, высокий рост и мощное телосложение которого по логике не должны были позволять ему двигаться с такой скоростью, и в одно мгновение заломил руку молодого человека за спину.

– Рафаэль! – протестующе воскликнула Бет, вскакивая.

Рафаэль даже не обернулся.

– Отвали от нее, – холодно приказал он растерявшемуся парню, не ослабляя хватки.

– Сам отвали от меня. – Девушка бросила на Рафаэля замученный взгляд. – Я вообще не понимаю, откуда ты здесь взялся...

До чего же наивно было верить, что ей удалось сбежать из-под опеки Рафаэля Кордобы! Ему ничего не стоило выследить ее, чтобы испортить даже несколько минут покоя и одиночества.

– Этот человек беспокоит вас? – не испугавшись воинственного обидчика, спросил молодой аргентинец на ломаном английском.

Рафаэль Кордоба «беспокоил» Бет с первой минуты знакомства. Не только потому, что ее безумно раздражало его неусыпное внимание. Она не могла представить себе женщину, которую оставили бы равнодушной почти два метра мужского совершенства. Темные волосы обрамляли лицо со скульптурными чертами и синими глазами, на зависть звездам модельного бизнеса, а широкоплечую и длинноногую мускулистую фигуру не портил даже скучный костюм-тройка.

– Мне хотелось только поговорить с вами, – сказал юноша, так и не понявший причины нападения. – Вас не опасно оставлять с этим человеком?

– Да уж безопаснее, чем с тобой, ты...

– Пожалуйста, Рафаэль, – устало попросила Бет, отдавая должное отваге молодого аргентинца перед лицом явной опасности. – Все довольно... сложно. – Она ободряюще улыбнулась. – Но я уверена, что он не причинит мне вреда.

У Бет имелись веские основания для такой уверенности. Рафаэль Кордоба был телохранителем, приставленным к ней Цезарем Наварро, чтобы никто другой не причинил ей вреда. Вернее, не ей, а Габриэле Наварро – молодой женщине, за которую Бет принимали все, кроме разве что нее самой.

Совсем недавно она спокойно жила в Лондоне, получала удовольствие от новой работы в издательстве и немного волновалась за сводную сестру Грейс, улетевшую на выходные в Буэнос-Айрес с новым боссом, красавцем-миллиардером Цезарем Наварро, на его личном самолете. Ей даже в голову не могло прийти, что визит Грейс в Аргентину будет иметь для нее такие непредсказуемые последствия!

Бет уж точно не могла представить, что сама окажется в Буэнос-Айресе после того, как генетики по результатам анализа ДНК объявят ее Габриэлой – похищенной двадцать один год назад дочерью Карлоса и Эстер Наварро. И что их сын Цезарь приставит к ней своего цепного пса, который будет отпугивать от нее молодых людей.

– Отпусти его, Рафаэль. Я все равно уйду. От твоего поведения у меня в кофе молоко прокисло.

Она бросила на столик деньги за кофе и вышла, не посмотрев на мужчин. Какой смысл, если с одним из них ей не позволят даже поговорить, а другой все равно снова увяжется

за предполагаемой Габриэлой Наварро? Бет цеплялась за формулировку «предполагаемой», категорически отказываясь признать результаты теста, пока расследование Цезаря не даст дополнительных веских доказательств.

Несмотря на симпатию, которой она прониклась к Карлосу и Эстер за несколько прошедших дней, Бет не сомневалась, что произошла ошибка. Ее настоящие родители – Джеймс и Карла Лоуренс – любили ее. Приемные родители Блейки – тоже. От одной только мысли, что она не Элизабет Лоуренс и не Бет Блейк, а кто-то совсем другой и незнакомый, у девушки сводило живот и дрожали руки. Как и от постоянного присутствия рядом Рафаэля, который давил на нее своей мощью и вкрадчивыми повадками хищника. В тридцать три года ближайший друг Цезаря и бывший офицер аргентинского спецназа по-прежнему производил весьма грозное и опасное впечатление.

Бет с удовольствием собрала бы чемоданы и вернулась в Англию, вычеркнув из памяти все семейство Наварро, если бы не сестра, которая готовилась к свадьбе с Цезарем, назначенной на следующий месяц. С одной стороны, Бет радовалась за Грейс, потому что видела, как сильно она любит своего красавца-аргентинца и какой пылкой взаимностью отвечает ей этот обычно высокомерный и сдержанный мужчина. С другой – это только усиливало ощущение, что сама она попала в западню, из которой ей не выбраться. Даже если побег возможен в принципе, Бет не собиралась предпринимать его накануне свадьбы сводной сестры. Кроме того, при всей уверенности, что она была и остается Элизабет Лоуренс, которую удочерили Блейки, Бет не посмела бы нанести такой жестокий удар супругам Наварро, однажды уже потерявшим дочь.

К счастью, она не испытывала никакой моральной необходимости щадить чувства Рафаэля.

– Что же ты никак не отвяжешься? – огрызнулась Бет, услышав за спиной его широкие, мягкие, почти бесшумные шаги.

– Ты не подумала, как глупо исчезать из квартиры Цезаря таким детским и безрассудным способом?

Бет поморщилась, недовольная тем, что он делает ей замечания.

– Мне там нечем дышать.

– Ты не должна была волновать Эстер. – Рафаэль поджал губы.

И как ему это удастся, скажите, пожалуйста, – сразу подобрать именно те слова, которые откликнутся в Бет угрызениями совести?

Как бы невыносимо ни складывалась ситуация для нее, Бет не могла позволить себе тревожить пожилую пару, на долю которой выпало столько страданий. Несмотря на взаимную любовь, переживания оттолкнули Карлоса и Эстер друг от друга, призрак потерянной дочери стоял между ними, делая совместную жизнь невыносимой. Когда Цезарь поступил в университет и покинул дом, они разъехались и долго жили порознь: Карлос – в Буэнос-Айресе, а Эстер – в США, где родилась и выросла. Но, искренне поверив, что Бет и есть их обожаемая, чудом вернувшаяся дочь, снова сошлись и делили спальню в квартире Цезаря.

А вот Бет не могла и не хотела верить в чудо. В невероятной роскоши, которую семья Наварро воспринимала как должное, она задыхалась как вытасченная из воды рыба. Ей полюбили Эстер и Карлос, нравилось дразнить надменного Цезаря, но в глубине души Бет понимала, что она чужая и в их семье, и в Аргентине. Она была англичанкой до мозга костей. Такой ее воспитали вполне обеспеченные, но далеко не богатые приемные родители – Клив и Хизер Блейки.

Бет тяжело вздохнула:

– Ладно, извини. Мне просто хотелось побыть одной.

Рафаэль смотрел на Бет Блейк сквозь зеркальные солнечные очки, легко читая смену эмоций на ее выразительном – и очень красивом – лице. Он сочувствовал ее очевидному

дискомфорт в неожиданной и непривычной роли Габриэлы Наварро. Однако медицинские доказательства трудно опровергнуть. Рафаэль, с детства друживший с Цезарем, прекрасно понимал, как много Бет значит для всех Наварро – спокойного и рассудительного Карлоса, доброй и заботливой Эстер, самоуверенного Цезаря. Людей, которые пригостили его, когда родной отец вышвырнул из дома.

А это значило, что главной обязанностью Рафаэля на сегодняшний день было любыми средствами обеспечить безопасность своенравной и самостоятельной девицы, вне зависимости от того, хотела Бет Блейк признавать свою новую личность или нет. Сбежав из квартиры Цезаря, она – в очередной раз! – показала, что благодарности за круглосуточную и ежедневную вахту он от нее не дожидается.

– Габриэла...

– Меня зовут Бет, черт бы тебя побрал! – Она сердито сверкнула на него глазами, разругавшись от злости.

Когда Бет была спокойна, ее светлая нежная кожа напоминала фарфор. Природа наградила девушку очаровательной внешностью: большие темно-карие глаза под длинными ресницами, слегка вздернутый носик, капризно очерченные губы над упрямым подбородком. А такие густые шелковистые волосы, играющие оттенками от золотого до бледно-серебристого, Рафаэль до этого видел только у одной женщины – Эстер Наварро, биологической матери Бет, если верить тесту ДНК.

– Для меня ты Габриэла, – пожал плечами Рафаэль.

Сестре Цезаря было всего два года, когда ее похитили, вряд ли стоило ожидать, что ее память сохранила что-то из прежней жизни. Но Рафаэль, обычно проводивший школьные каникулы в семье Наварро, прекрасно помнил маленького золотоволосого ангела, которого оба старших мальчика бесконечно тискали и баловали.

В этот момент Бет располагала к тисканию не больше чем разъяренная тигрица.

– Как хорошо, что мне абсолютно наплевать, за кого ты меня принимаешь!

– Я ни за кого тебя не принимаю, я верю результатам медицинских тестов. И по удачному стечению обстоятельств тоже не придаю большого значения твоему мнению обо мне. – Рафаэль позволил себе насмешливую улыбку, прочитав в ее карих глазах, что Бет Блейк не одобряет его юмора на свой счет.

Она фыркнула:

– На твое счастье, ты даже представить себе не можешь, что я о тебе думаю.

Ну почему же... Плотоядные взгляды, которые она порой бросала на него исподтишка, подсказывали Рафаэлю, что по-мужски он привлекал Бет так же сильно, как бесил в качестве охранника. Ему тоже было трудно игнорировать упругую грудь и плавный изгиб бедер своей подопечной, но Рафаэль был твердо намерен держаться в профессиональных рамках, чтобы никакие посторонние соображения не мешали ему охранять ее.

– Возможно, это и правда счастье, – небрежно заметил он. – Не пора ли вернуться?

– Зачем спрашивать, если ты все равно собираешься отконвоировать меня обратно, хочу я этого или нет?

– Хотелось бы понять, почему ты так упорно сопротивляешься судьбе? – Рафаэль прохладно посмотрел на нее сквозь зеркальные очки.

Бет нахмурилась:

– А что, если я не считаю это судьбой?

– Грейс сразу признала семью Наварро своей.

– Не сравнивай меня с Грейс. Она сама решила влюбиться в Цезаря, принять его предложение и стать членом семьи со всеми вытекающими последствиями.

Рафаэль выгнул темную бровь:

– Разве можно решить влюбиться в кого-то?

Поскольку до недавнего времени он был личным телохранителем Цезаря, роман между его боссом и Грейс разворачивался у него на глазах. И Рафаэль не сказал бы, что все у них складывалось так мирно и гладко, как выходило со слов Бет. Возможно, сейчас эта пара и являла собой образец любви и согласия, но поначалу клочки летали по закоулочкам, когда Грейс с Цезарем яростно не соглашались ни в чем, кроме обоюдного влечения.

Примерно как они с Бет...

Нет, совсем не так. Как бы Рафаэля ни привлекали искрометная натура Бет, ее красота или соблазнительные контуры тела, он был твердо намерен ограничиться эстетическим восприятием. Вернувшаяся в семью любимая сестренка Цезаря никогда не пополнит список одноразовых женщин, побывавших в его постели за последние пятнадцать лет.

Других отношений Рафаэль не допускал, слишком рано познакомившись с женским коварством благодаря молодой мачехе.

– Наверное, нет. – Бет состроила гримасу. – Но любовь к Цезарю – это веская причина постараться привыкнуть к чужому для нее образу жизни.

– А ты не любишь Цезаря и родителей достаточно, чтобы сделать то же самое? – В тоне Рафаэля явно сквозило неодобрение. Вероятно, если бы он снял свои проклятые очки, взгляд пронизательных синих глаз оказался бы столь же осуждающим.

– Не передергивай, Рафаэль, – пробормотала Бет. – Как я могу любить людей, о существовании которых не знала еще пару недель назад?

В этом и заключалась главная причина ее растерянности. Она не понимала, как вести себя в сложившейся ситуации. Как Бет ни ворошила воспоминания детства, никто из семейства Наварро не казался ей даже смутно знакомым. Это укрепляло ее сомнения в родстве, что бы ни говорили тесты.

Оба старших Наварро – вместе и по отдельности – утверждали, что со временем Бет привыкнет к своему новому положению и даже, может быть, что-нибудь вспомнит. Имея в виду время, которое она должна будет провести с ними в Аргентине.

– За двадцать один год не было дня, чтобы они не думали о тебе. – Рафаэль явно не был готов проявить такое же стоическое терпение. Или какое бы то ни было терпение, если судить по тому, как мрачно он смотрел на нее с высоты своего роста.

Бет тяжело вздохнула:

– Мне очень жаль. Но только как постороннему человеку, который может представить себе горе родителей похищенного ребенка.

– Тебе не кажется, что Карлос и Эстер уже достаточно пережили из-за тебя?

– Не вижу, как я могу быть в этом виноватой...

– А ведь это самые добрые и милые люди, каких мне приходилось знать.

– Не сомневаюсь. Но у меня уже были две пары родителей, которых я любила. Третья – это немножко слишком.

– Разница в том, что они твои настоящие родители.

– Почему никто из вас не хочет понять меня? – Глаза Бет потемнели, как у Цезаря в минуты гнева. – Я не верю в эту историю и хочу вернуться в Англию.

– Все стараются... – начал было Рафаэль, но затолкал обратно внушение, которое собирался ей сделать.

Грызня с клиентом никак не способствовала доверительным отношениям, необходимым для успеха миссии телохранителя. Бет Блейк и так упорно не желала доверять ему, о чем Рафаэль собирался поговорить с ее братом с глазу на глаз при первой возможности.

– Если не хочешь оставаться в Аргентине ради Карлоса и Эстер, подумай о Грейс и о ее свадьбе в следующем месяце.

– Удар ниже пояса, Рафаэль, – фыркнула Бет. – Когда ничего не помогает, остается играть на родственных привязанностях.

Он ухмыльнулся без тени раскаяния:

– И как, действует?

– Да, – неохотно согласилась она.

– Может, тебя утешит, если я скажу, что Грейс тоже непрерывно ссорилась с Цезарем, когда они только познакомились.

Бет удивленно подняла светлые брови:

– И что это доказывает?

В этот момент она так напоминала старшего брата, что Рафаэль с трудом удержался от смеха. Если бы Бет видела себя со стороны, она бы больше не стала отрицать принадлежность к семье. Сейчас она выглядела стопроцентной Наварро от пальцев ног до кончика носа.

– Что Наварро не так уж плохи, если Грейс сумела полюбить их за такое короткое время.

Бет запрокинула голову, чтобы смерить Рафаэля изучающим взглядом:

– Тебе нравится моя старшая сестра?

– Да, – без колебаний признался он.

Грейс, такая же живая, энергичная и прямолинейная, как Бет, очень подходила Цезарю, который порой бывал излишне авторитарным и заносчивым.

– Да ты не безнадежен, Рафаэль! – усмехнулась Бет.

– В каком смысле?

– В смысле твоей принадлежности к человеческой расе, а не к промышленной партии бездушных роботов, как я было подумала.

Рафаэль со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы:

– Ты зашла слишком далеко, Габриэла!

– И что? – На сей раз Бет предпочла не услышать, как он – наверняка намеренно – ее назвал. Но только на сей раз...

– Не давай мне повода доказывать тебе, до какой степени я не робот!

Бет снова пожалела, что глаза Рафаэля спрятаны за зеркальными стеклами очков. Хотя еще неизвестно, хотела ли она сейчас видеть его взгляд – наверняка такой же острый, как тон.

– Это должно меня напугать?

– Существуют гораздо более... приятные способы унять вздорную женщину, чем угрожать ей, – пробормотал Рафаэль.

Бет почувствовала, как в ответ на его слова по спине пробежал холодок. Но не страха, а возбуждения...

В этом заключалась причина, заставлявшая ее бесконечно бросать ему вызов. До сих пор ни один мужчина не вызывал у нее реакцию, хотя бы отдаленно похожую на ту, что она испытывала рядом с Рафаэлем. Его высокомерная красота, мощь атлетичного тела под безупречно сшитым дизайнерским костюмом, даже здоровый мужской запах, подчеркнутый туалетной водой с оттенками сандала и лимона, будоражили чувства. Она угадывала его присутствие в помещении до того, как он попадался ей на глаза. Не очень комфортное состояние для женщины, которая всегда считала, что относится к противоположному полу с разумной сдержанностью.

– Избавь меня от своей неандертальской философии.

В сдержанной улыбке Рафаэля не было юмора.

– Поверь, никто из женщин еще не жаловался на мои... методы.

Еще бы! Когда женщину «унимает» воплощенный соблазн, какие могут быть причины для жалоб? А вот Бет могла найти множество, но не желала выслушивать поучительные истории из жизни многочисленных пассий Рафаэля.

– Ну и дуры. – Она отвернулась и быстро зашагала в сторону дома.

Рафаэль пристроился позади, в двух шагах от нее. Легкое напряжение в низу живота подсказывало Бет, что он следит взглядом за покачиванием ее ягодиц и бедер в облегающих джинсах.

Глава 2

Невероятно, но Цезарь поддержал намерение Бет на следующий же день вылететь в Англию.

– Думаю, мы должны отпустить Габ... Бет, если таково ее желание, – спокойно прервал он возражения матери.

Бет даже растерялась от неожиданности. Она не сомневалась, что Цезарь встанет на сторону родителей. Может быть, здравомыслие Грейс все-таки оказало благотворное влияние на ее упрямого аргентинского жениха?

Она улыбнулась сидящему напротив за обеденным столом мужчине:

– Спасибо, Цезарь.

Он кивнул:

– Рафаэль поедет с тобой.

Похоже, она поторопилась с благодарностью:

– Я так не думаю...

– И ты полетишь на моем личном самолете.

– Довольно, Цезарь! – Упоминание телохранителя и личного самолета привели ее в негодование, которое только усилилось от ухмылки Рафаэля, несущего вахту в холле, но явно слушающего разговор. – В этом нет необходимости. Вылетая сюда, я взяла обратный билет на коммерческий рейс до Лондона.

– Карлос... – Расстроенная Эстер умоляюще взглянула на мужа.

– Тебе лучше принять предложение Цезаря, – тихо заметил он.

– Извините, но мне не нравится, когда что-то решают за меня, – с извиняющейся улыбкой сказала Бет. – И я не хочу, чтобы Рафаэль сопровождал меня повсюду. Мне это не нужно...

– Будь благоразумной, Бет, – спокойно, но твердо вмешалась Грейс, положив руку на плечо сестры.

– Я вполне разумна. – Бет понимала, что ее возражения выглядят скорее детским упрямством, чем аргументированными доводами. – Никто, кроме сидящих за этим столом и Рафаэля, не считает меня Габриэлой Наварро.

– Я знаю это наверняка, дорогая, – тепло улыбнулась ей Эстер.

Бет проглотила комок в горле, увидев, какой безусловной и безграничной любовью светится взгляд женщины.

– Да, но вы знаете, как мне трудно с этим свыкнуться.

Она уставилась в тарелку, не в силах справиться с потоком направленных на нее эмоций: отчаянной надеждой Карлоса и Эстер, братским неодобрением Цезаря, сестринским пониманием Грейс и насмешкой Рафаэля. – До тех пор пока Цезарь не найдет веских доказательств, я остаюсь Бет Блейк. А у Бет Блейк в Англии есть дом и работа.

Цезарь недовольно прищурился:

– Когда ты сказала, что хочешь лететь в Лондон, я подумал, тебе нужно закрыть дом и уволиться с работы, прежде чем переехать сюда насовсем.

– Не понимаю, почему ты так подумал. – Бет нахмурилась. – Я честно заслужила университетский диплом, мне нравится моя работа. С какой стати я должна все это бросить?

– Вероятно, потому, что у Габриэлы Наварро нет необходимости работать, – резко заметил Цезарь.

– Даже если будет доказано, что я Габриэла...

– Уже доказано.

– ...я не собираюсь сидеть здесь без дела, как стриженный пудель... – Она замолчала, услышав из холла придушенный смехок. Непроницаемое лицо Рафаэля не убедило ее в том, что смех ей почудился. Наградив его долгим подозрительным взглядом, Бет повернулась и продолжила перепалку с Цезарем: Я не так воспитана, чтобы всю жизнь только и делать, что красить ногти.

– Насколько я знаю, у стриженных пуделей принято нанимать кого-нибудь для того, чтобы им покрасили ногти, – съехидничал Цезарь.

– Не накаляй обстановку, – сказала Грейс с легким осуждением.

Лицо Цезаря смягчилось при взгляде на любимую, но улыбка вновь пропала, когда он обратился к Бет:

– Для Грейс важно, чтобы ты осталась и помогла ей с приготовлениями к свадьбе.

– Рафаэль уже пробовал этот подход.

– И что?

– Конечно, я вернусь к свадьбе. В конце концов, я главная подружка невесты. Ну а пока Эстер будет ей помогать. – Бет знала, что эту карту Цезарю бить нечем. Организация торжеств была родной стихией Эстер. – Пока что я могу вернуться домой и ходить на работу в Англии. Прилечу назад за несколько дней до венчания.

– Предлагаю... компромисс. Возьми месяц отпуска за свой счет.

– Месяц? – не поверила ушам Бет. – Ты не представляешь, как трудно было выпросить неделю сразу после того, как я приступила к работе.

Цезарь упрямо поджал губы:

– В таком случае мне будет проще купить твое издательство. И приказать новому главному редактору дать тебе месяц отпуска.

Бет хотела бы надеяться, что он пошутил. Вместе с тем она прекрасно знала, что личное состояние Цезаря превышает национальный бюджет некоторых стран, так что теоретически он вполне может привести свой безумный план в исполнение. Она повернулась к Грейс и недоумевающее развела руками:

– Ты серьезно решила выйти за него замуж?

Грейс весело рассмеялась:

– Представь себе, да. Но не волнуйся, он поддается перевоспитанию.

На этот раз смех Рафаэля в холле прозвучал совершенно явственно. Бет с вызовом взглянула на него:

– Может, присоединишься? Кажется, у тебя есть что добавить к нашему разговору.

Рафаэль насмешливо посмотрел на нее:

– Я всего лишь наемный служащий.

На этот раз фыркнула Бет:

– Ну не надо скромничать. Ты всего лишь близкий друг Цезаря и начальник его службы безопасности. К тому же, как выяснилось, тебе предстоит ехать со мной в Англию. Все, что здесь говорится, касается тебя в той же степени, что и меня.

– Присоединяйся к нам на кофе, Рафаэль, – пригласил Цезарь, кивнув горничной, чтобы принесла еще чашку.

Двое мужчин успели переговорить до обеда. Рафаэль признал, что их отношения с Бет складываются не лучшим образом, но Цезарь отмахнулся. Он не доверил бы безопасность сестры никому другому, а нравится ей это или нет, не имело никакого значения. Он по опыту знал, что упрямство – фамильная черта женщин семьи Блейк. Удочерив чужих друг другу по крови девочек, старшие Блейки вырастили их очень похожими по характеру.

– Иди к нам, Рафаэль. – Эстер хозяйничала за столом, разливая кофе. – За суетой последних дней я не успела спросить, как поживает твоя семья.

«Суэта» началась автокатастрофой, в которой она, к счастью, отделалась ушибами и царапинами, а закончилась возвращением Габриэлы. Оба эти события вместе и по отдельности извиняли дефицит интереса к семье Рафаэля, от контактов с которой он уже давно старательно уклонялся.

– У них все в порядке, насколько мне известно, – неопределенно ответил тот, усаживаясь за стол рядом с Карлосом.

– Твоя семья живет в Буэнос-Айресе? – не сдержала любопытства Бет.

– Нет, – неохотно ответил Рафаэль.

– А где?

– Кажется, мы собирались обсуждать условия твоей поездки в Англию? – бесцеремонно прервал ее Цезарь.

Бет задержала взгляд на бесстрастном Рафаэле. Определенно, все за столом знали какую-то тайну, касающуюся его семьи, но не собирались посвящать ее, если она правильно читала уклончивое выражение лиц. Она повернулась к Цезарю:

– Нет, не собирались. Я уже озвучила все условия.

– Они неприемлемы, – с присущей ему невыносимой категоричностью отрезал человек, который в самое ближайшее время должен был стать ее шурином. Конечно, в том случае, если не был ее родным братом.

– Меня они устраивают.

– Бет, постарайся понять, что чувствуют Цезарь и твои... его родители, – попыталась уговорить ее Грейс. – Однажды они уже потеряли Габриэлу.

Бет снова ощутила ставшую привычной тяжесть в желудке. У нее не было детей – если подумать, у нее еще не было даже отношений, достаточно серьезных, чтобы привести к их появлению. Поэтому она затруднялась представить, каково это – больше двадцати лет не знать, где твой ребенок, жив ли он, что с ним происходит. Для нее самым кошмарным в этой ситуации оставалась истовая вера старших Наварро в то, что она и есть их пропавшая дочь. Ей нравились Карлос и Эстер, она ни в коем случае не желала причинять им лишние страдания.

Бет вздохнула:

– Хорошо, я полечу на твоем самолете. И я даже согласна на Рафаэля. Помолчи, – предупредила она, заметив его ухмылку. – Но это все, с чем я готова смириться. Никакого отпуска. Если ты, Цезарь, посмеешь купить мое издательство, я уволюсь и пойду устраиваться в другое.

– Его я тоже куплю, – миролюбиво сообщил Цезарь.

– Ты деспот.

– А ты упряма как мул.

– Сам такой!

– Грейс, теперь мне понятно, почему ты решила проверить, нет ли между этими двумя кровного родства, – промурлыкал Рафаэль. – Без всяких тестов видно, что вы брат и сестра, – объяснил он, когда на него вопросительно уставились две пары одинаковых карих глаз, одна – вопросительная, другая – обвиняющая.

Грейс усмехнулась:

– Сходство очевидно, согласен?

– Несомненно! – подтвердил Рафаэль с чувством.

– Ну хватит ломать комедию! – Бет возмущенно всплеснула руками.

Не смутившись, Рафаэль заметил:

– Допускаю, что со стороны ситуация выглядит несколько комичнее, чем с твоей точки зрения.

– Допускай что хочешь, – отмахнулась Бет. – На чем мы остановились? Ах да. Цезарь, как сестра твоей будущей жены, я согласилась на уступки. Пусть Рафаэль летит со мной и убедится, что я благополучно прибыла. Теперь твоя очередь. Не мешай мне заняться карьерой, к которой я готовилась столько лет.

Рафаэль оценивающе посмотрел на Бет. Ее аргумент затрагивал деловой аспект, а значит, был напрямую адресован Цезарю. Однако тот никогда не шел на компромиссы, если дело касалось безопасности родственников. Бет могла сколько угодно отрицать принадлежность к семье Наварро, но Цезарь не сомневался, что вернулась его любимая сестра, о которой родители горевали двадцать один год.

Правда, никто из них не мог предположить, что Габриэла, ставшая самостоятельной девушкой, вдруг откажется принять полагающееся ей наследство.

Цезарь взял чашку кофе из рук матери.

– Ты неправильно поняла. Рафаэль останется в Англии столько же, сколько и ты.

– Что? – возмущенно задохнулась Бет. – Мало того что это смешно, но еще и непрактично!

– Таково мое условие, – непререкаемым тоном заявил Цезарь.

Бет нетерпеливо повернулась к Рафаэлю:

– Неужели тебя это устраивает?

Тот сузил глаза:

– Я сделаю все, что скажет Цезарь.

– Прекрасно! – Бет кипела от негодования. – А где ты собираешься жить? Уж конечно не в моем доме!

– Надеюсь, до нашего отъезда все будет подготовлено.

– Что именно?

Рафаэль сохранил серьезное выражение лица, несмотря на то что подозрительный тон Бет его позабыл.

– Все.

– Грейс, сделай что-нибудь! – взмолилась Бет, обращаясь к старшей сестре.

– Дорогая, знаю, тебе трудно это принять, но... – Грейс посмотрела на Карлоса и Эстер. – В данных обстоятельствах я согласна с Цезарем и Рафаэлем.

– Невероятно! – Бет вскочила из-за стола, едва не опрокинув стул. – Вы тут продолжайте организовывать мою жизнь, не стесняйтесь, а я иду паковать вещи. Чем скорее я убежусь отсюда, тем лучше!

Она пулей вылетела из комнаты.

– Она не хотела обидеть вас, Эстер, – наклонилась Грейс к будущей свекрови, увидев, как та побледнела. – Просто пока Бет не знает, как ей реагировать на перемены.

– Упрямая, избалованная девчонка. – Цезарь сжал зубы, услышав, как наверху хлопнула дверь.

– Она напугана, – тихо поправил Рафаэль, глядя в ту сторону, куда умчалась Бет. – Разрешите мне поговорить с ней?

– Ты сможешь? – Благодарно кивнула Грейс. – Я бы сама пошла, но сейчас Бет считает меня перебежчицей на сторону...

– Врага, – грустно закончила за нее Эстер.

– Ни в коем случае, – уверила Грейс, выразительно посмотрев на Цезаря. – Постарайтесь понять ее. Бет уже дважды теряла родителей. Двадцать с лишним лет она ничего не знала о вашем существовании. Нужно время и терпение, чтобы дать ей возможность осознать, кто она на самом деле.

Извинившись, Рафаэль встал из-за стола и направился в ее комнату. Как бы хорошо он ни понимал злость и растерянность Бет, для нее пришло время задуматься о чувствах других людей.

С трудом сдерживая слезы, Бет швыряла вещи в раскрытый чемодан. Как и когда ее жизнь превратилась в кошмар, разрушивший, среди прочего, мечты о карьере в издательском бизнесе?

В момент первой встречи Грейс с родителями Цезаря, вот когда. Бет категорически отрицала мысль о том, что она...

– Если бы ты была моей сестрой, я бы как следует отшлепал тебя по маленькой избалованной заднице!

Бет повернулась к возвышающемуся в дверях Рафаэлю:

– В таком случае хорошо, что я не твоя сестра.

Синие глаза потемнели от негодования.

– Ты обидела Эстер, что мы все считаем недопустимым.

– Я не хотела. Я извинюсь перед отъездом. – Бет виновато отвела взгляд.

Рафаэль тяжело вздохнул:

– Не понимаю, почему ты продолжаешь сражаться с тем, что не можешь изменить? Ты же вроде неглупая девочка. Цезарь никогда не допустит, чтобы его сестра снова подверглась хотя бы минимальному риску. Уже сам факт, что Наварро разрешают тебе уехать...

– Мне не требуется их разрешение.

– Еще как требуется, – усмехнулся Рафаэль. – Эстер остановила бы тебя, если бы захотела. Она могла упасть на колени, плакать, умолять, пока ты не осталась бы с ней из угрызений совести.

– В Эстер слишком много достоинства для такой драмы, – возразила Бет.

– Согласен. Но после стольких лет, которые она провела, горюя о тебе, новая разлука разрывает ей сердце.

– Почему же она не попыталась меня остановить?

Рафаэль пожал плечами:

– Вероятно, считает, что справедливо будет отпустить тебя – и надеяться, что ты сама решишь вернуться.

– А если нет?

– Ты вернешься.

– Похоже, ты очень в этом уверен.

– Да.

Бет задумалась.

– И ты считаешь, что мне надо согласиться с предполагаемым...

– С очевидным, – поправил Рафаэль. – Чем скорее, тем лучше.

– Не я затеяла всю эту неразбериху.

– И не твои родители с братом.

– Они не мои... – вспыхнула Бет. Я не поверю, пока Цезарь не придумает что-то еще более убедительное.

– Разве анализа ДНК недостаточно?

– Мне – нет.

– А что тебя убедит?

– Не знаю, – вздохнула Бет.

– Возможно, могила и надгробный камень с именем двухлетней Элизабет Лоуренс?

Побледнев как полотно, Бет взглянула на отрешенное лицо Рафаэля.

– Хочешь сказать, что такая могила существует? – Ее ладони стали липкими от одной мысли о маленьком холмике на кладбище. – У тебя есть доказательства, что настоящая Элизабет умерла?

– Пока нет, – неохотно признался Рафаэль. – Но если они есть в принципе, я их найду. Бет изумленно уставилась на него.

– Значит, ты едешь в Англию не только как мой телохранитель? – наконец спросила она, заранее угадывая ответ.

– А ты как думала? – усмехнулся он.

Признаться, в глубине души Бет и сама знала, что Цезарь не прекратит расследование обстоятельств похищения сестры и постарается извлечь максимум из пребывания своего доверенного телохранителя в Англии, чтобы узнать, как именно и зачем маленькую Габриэлу переправили туда из Аргентины под именем Элизабет Лоуренс.

– Очень многие люди, имея они возможность выбирать, предпочли бы родиться не в своей семье, – заметил Рафаэль, глядя, как выражения – все более или менее негодующие – сменяют друг друга на лице Бет.

– Ты о себе сейчас говоришь?

– Нет. – На лице Рафаэля заиграли желваки.

Его семья и причины растянувшейся на много лет ссоры с отцом были не той темой, которую ему хотелось обсуждать. По тем же причинам он ограничивал свои отношения с женщинами сексом, воздерживаясь от эмоциональных привязанностей. Правда, Бет пыталась намеренно перейти эту границу каждый раз, когда они оставались вдвоем.

– Если ты найдешь... могилу, скажешь мне или сразу доложишь Цезарю? – с вызовом спросила она.

Он поджал губы:

– Я работаю на Цезаря...

– Пожалуйста, Рафаэль, – тихо попросила Бет.

Он помрачнел, признаваясь себе, что не может оставаться равнодушным к ее умоляющему тону.

– Давай подождем и посмотрим, как все сложится.

– Не говори со мной как с ребенком!

– Тогда перестань вести себя как маленькая.

На деле Рафаэль даже злился на себя за то, что не может относиться к ней как к маленькой, несмотря на десять лет разницы в возрасте. Да, ее мысли и высказывания отдавали подростковым максимализмом, но очертания тела и созданные для поцелуев губы были стопроцентно женскими. И заставляли его реагировать по-мужски.

– Уйди, пожалуйста. Мне надо собираться, – сказала Бет, отворачиваясь.

– А если не уйду?

Бет замерла, поняв, что теперь Рафаэль стоит прямо у нее за спиной. Она чувствовала тепло его тела, вдыхала пряный парфюм и чистый мужской запах, который принадлежал только ему. Несмотря ни на что, этот крепкий коктейль, настоящий на ощущении его силы, кружил ей голову.

– Бет?

Она повернулась, стараясь сохранить самообладание, и вызывающе вздернула подбородок:

– Я согласилась на те условия Цезаря, которые сочла приемлемыми. Разве этого мало?

– Пока достаточно.

Глаза Бет сверкнули темными искрами.

– Ну и что еще тебе от меня нужно?

Что Рафаэлю было нужно от Бет Блейк, влечение к которой он при всем желании не мог отрицать? Он слишком легко мог представить, каково заниматься с ней любовью: целовать капризные губы, ласкать изгибы стройного тела, пробовать на вкус нежные округлости высокой груди – возбуждать ее всеми известными ему способами до тех пор, пока сама она не откроется ему навстречу, влажная и горячая...

Проблема лишь в том, что он не мог проделать все это с Габриэлой Наварро – сестрой своего лучшего друга и дочерью супружеской пары, от которой Рафаэль не видел ничего, кроме добра. Эту девушку он мог лишь охранять, давая ее родным уверенность, что она больше никогда не попадет в беду.

– Не помню, чтобы я хотел или требовал что-то от тебя.

– Давай, Рафаэль, не стесняйся и не щади мои чувства, – поддразнила Бет, которой не понравилась резкость его тона. – Скажи мне все как есть.

– А я что делаю, по-твоему?

Бет устало возвела глаза к потолку:

– Это был сарказм.

– Я понял. А еще я заметил, что это твое любимое средство самозащиты.

– С какой стати мне сейчас защищаться? – Бет широко раскрыла удивленные глаза.

– Не знаю. Ты скажи.

Она молча смотрела на него несколько долгих секунд.

– Мне нечего сказать. Но я уверена, что тебе есть еще что организовать до отъезда. Пойди и займись любимым делом. Не смею тебя задерживать, – добавила Бет, увидев, что Рафаэль не собирается покидать ее спальню.

Он выдержал вызывающий взгляд карих глаз, борясь с желанием сжать Бет в объятиях и целовать упрямый рот, пока она не растает в его руках, изнемогая от страсти. Рафаэля останавливала весьма вероятная опасность увлечься этим занятием и зайти гораздо дальше поцелуев...

Он резко тряхнул головой и отступил:

– Цезарь сообщит, когда мы завтра вылетаем.

– Буду ждать его распоряжений, – сухо заметила Бет.

– Он беспокоится только о твоей безопасности, – раздраженно напомнил Рафаэль.

– А ты о чем беспокоишься? – Она взглянула на телохранителя с насмешкой.

– Цезарь платит мне зарплату не за то, чтобы я разделял его тревоги, а за то, чтобы я эффективно устранял их причины.

– Тогда поищи какую-нибудь реальную причину, которую ты мог бы устранить. – С этим финальным ехидным замечанием Бет отвернулась, понимая, что напрасно пытается его уязвить. Рафаэль Кордоба действительно был больше похож на робота, чем на живого человека.

Услышав, как за ним бесшумно закрылась дверь, Бет выдохнула и в отчаянии рухнула на кровать. Вся ее бравада испарилась без следа. Больше всего на свете ей хотелось как-то доказать Наварро, что она – не Габриэла. В противном случае ей никогда, никогда не позволят вернуться к прежней жизни.

Глава 3

Англия встретила Бет сильным дождем. Рафаэль недовольно поморщился, раскрыл зонт и держал его над девушкой, пока она спускалась по трапу и усаживалась в лимузин. Сам он сел рядом с водителем, четко обозначив границу между наемным служащим и младшей сестрой хозяина.

– Тебе удобно? – спросил Рафаэль, поворачиваясь к Бет.

Про себя девушка вынуждена была признать, что все эти частные самолеты и машины с шоферами, которые она поливала таким презрением, действительно удобны. Ей вообще не пришлось стоять в очередях и ждать рейса в аэропорту, машина доставила их с Рафаэлем прямо к трапу самолета, взлетевшего уже через несколько минут после того, как пассажиры поднялись на борт. Спальня в салоне Бет тоже очень понравилась: она сбежала туда от мрачного молчания Рафаэля и проспала почти весь полет. В Лондоне она была избавлена и от ожидания багажа у ленты транспортера: ее чемодан мгновенно погрузили в багажник ожидавшего на летном поле автомобиля.

Из аэропорта они должны были направиться в дом Блейков, который Бет до последнего времени делила с Грейс. Мысль, что после свадьбы с Цезарем сестра больше никогда туда не вернется, расстроила девушку. Ей подумалось, что дом слишком велик для нее одной. Может, стоит дать объявление и пригласить постояльцев?

– Габриэла?

Бет заскрежетала зубами от злости, когда Рафаэль назвал ее по имени, которое она отказывалась признавать своим.

– Очень удобно, спасибо, – откликнулась она с убийственной вежливостью.

Они с Рафаэлем перешли на официальный тон с той минуты, когда, попрощавшись с Грейс и семьей Наварро, выехали в аэропорт Буэнос-Айреса. Им не было смысла имитировать какие-то человеческие отношения: Бет прекрасно понимала, что Рафаэль рассматривает ее как работу. Неужели это ее задевало?

Ни чуточки, строго сказала себе девушка. Рафаэль невероятно красив и сексуален как первородный грех, но вместе с тем груб, высокомерен и относится к ней с нескрываемым неодобрением. Чем скорее он вернется в Аргентину, тем лучше.

Так почему же ее мучил вопрос, почему она сопротивляется его опеке с такой преувеличенной горячностью?

Конечно, он был старше, умнее и намного опаснее всех парней, встречавшихся Бет раньше. Но ее никогда не тянуло к суровым мужчинам, а грубость и высокомерие не относились к чертам, которые она находила интересными. И, тем не менее...

Глупо было бы отрицать, что Рафаэль произвел на нее впечатление с первого взгляда. А два дня назад, оставшись с ним наедине в спальне, она ясно почувствовала, как мурашки бегут по спине, соски напрягаются, а между ног становится влажно.

Возбуждение, вот что это было такое. Рафаэль возбуждал ее больше, чем кто-либо из мужчин, с которыми у нее были настоящие отношения.

Или она просто воспринимала его тотальное осуждение как вызов?

Сквозь полуопущенные ресницы Бет разглядывала чеканный профиль беседующего с водителем Рафаэля – высокие скулы, аристократический нос, четкую линию губ, волевой подбородок, который уже начинал нуждаться в бритве. Как обычно, телохранитель был одет в отлично сшитый черный костюм-тройку с шелковой рубашкой и синим, под цвет лазурных глаз, галстуком. Однако вся эта цивилизованная элегантность не могла скрыть сдерживаемую до поры мощь сильного тела. На ум пришло сравнение со свернутой под давлением пружины, готовой распрямиться в любой момент...

Бет почувствовала, как по позвоночнику пробежал уже знакомый холодок, соски уперлись в ткань свитера, джинсы показались слишком тесными. Это доказывало, что ее реакция на Рафаэля никак не связана с брошенным ей вызовом.

– Куда мы едем? – встревожилась она, заметив, что машина свернула за город.

Рафаэль спокойно обернулся к ней:

– У меня было слишком мало времени, чтобы подготовить твой дом, поэтому нам придется провести несколько дней в усадьбе Цезаря в Хэмпшире, пока работы не будут закончены.

– Подготовить мой дом к чему? – вытаращила глаза Бет.

– Чтобы ты могла там жить, конечно. – Взгляд телохранителя подернулся ледком.

– Я и так могу там жить! Что конкретно ты там делаешь и как вообще туда попадают посторонние люди? Неужели Грейс дала ключи?

– Несколько дней назад. Она обеспокоена твоим благополучием в такой же степени, что и другие члены семьи, – сказал он, заметив в ее глазах обиду на такой подлый трюк со стороны сестры. – Мы устанавливаем систему безопасности. Внешнее видеонаблюдение – Грейс не одобрила камер внутри – и датчики на окнах...

– Понятно. – Махнула рукой Бет, не желая дальше слушать о вторжении в дом без ее ведома и согласия. – А усадьба в Хэмпшире – это та самая, где Грейс начинала работать на Цезаря и все время чувствовала себя как в тюрьме?

– Та самая, – кивнул Рафаэль. – Но если хочешь, видеокамеры внутри дома можно отключить.

– А сенсоры на окнах и кодовые замки? И как насчет того, чтобы убрать охранников от ворот и из сада?

– Это невозможно.

Бет тряхнула головой:

– Тогда разворачивай машину. Мы едем обратно.

– Успокойся, Габриэла...

– Клянусь, если ты еще раз назовешь меня этим именем...

– То?.. – Невозмутимо поднял бровь Рафаэль.

– Меня зовут Бет. – Она перевела дыхание, с трудом сдерживая гнев. – Советую впредь звать меня так, если хочешь, чтобы я отвечала.

Он пожал плечами:

– А я тебя ни о чем не спрашивал. Я констатировал факт.

Бет смирila его негодующим взглядом:

– Я тоже хочу констатировать кое-что. А именно что не собираюсь сидеть под замком в вашей затерянной черт знает где крепости!

Рафаэль с трудом сдержал улыбку. Ярость делала Бет еще прекраснее: ее глаза сверкали, на бледных щеках выступил румянец, полные губы слегка приоткрылись. Если он не ошибался, даже соски резче обозначились под тонким свитером.

– Надеюсь, ты извинишь меня... – начал было он, не отводя взгляда от ее груди.

– Я скорее извиню ядовитую змею, чем тебя!

– Уймись, Бет, иначе у меня голова закружится от твоих комплиментов, – сказал Рафаэль, развеселив шофера.

– Хотела бы я найти в тебе хоть что-нибудь достойное похвалы! – процедила сквозь зубы Бет. – А теперь попроси водителя...

– Его зовут Эдвард, – представил Рафаэль. – Эдвард, познакомься с мисс Наварро.

– Бет Блейк, – поправила она, улыбнувшись в зеркало заднего вида. – Пожалуйста, Эдвард, разверните машину. Рафаэль покажет дорогу к моему дому.

Рафаэль пожалел, что два дня назад удержался от соблазна как следует отшлепать капризную девицу.

– Как я уже говорил, – невозмутимо продолжал он, делая знак водителю двигаться вперед, – усадьба Цезаря не тюрьма и не крепость и находится отнюдь не в дикой глуши. Там есть город...

– В десяти километрах двухстах метрах. Именно так ответил Цезарь на аналогичное замечание Грейс, насколько я помню, – упорствовала Бет. – Для тех, кто привык жить в огромном оживленном Лондоне, это и есть дикая глушь. А как я буду добираться до работы? Уж точно не на лимузине с шофером. – Она рассеянно кивнула Эдварду: – Не обижайтесь.

– Что плохого в том, чтобы ездить в комфортабельном автомобиле? – полюбопытствовал Рафаэль.

Бет взглянула на него с нескрываемым сожалением и произнесла:

– Я всего лишь младший ассистент пиар-службы.

– Ну и что?

– А то, что даже старшие менеджеры не приезжают в издательство на лимузинах!

Рафаэль пожал плечами:

– Мне их очень жаль, но...

– Попробуй на минуту спуститься в мир простых смертных, – перебила его Бет с негодованием. – Покинь башню из слоновой кости, где властвует Цезарь и откуда моя сестра пытается выволочь его на свет Божий, невзирая на отчаянное сопротивление. Похоже, ты вполне там прижился и забыл, что обычные люди не летают на частных самолетах, не ездят в лимузинах. Нам привычнее автобусы и метро или такси, если хотим шикануть.

– Пожалуй, в данных обстоятельствах я готов признать, что лимузин будет выглядеть несколько... вызывающе, – согласился Рафаэль и помрачнел, заметив победную улыбку Бет. – Но признать чужую точку зрения еще не значит согласиться с ней. Цезарь дал мне четкие инструкции...

– А если бы он приказал тебе прыгнуть с моста в реку, ты бы прыгнул? – приторным тоном протянула Бет.

– Только в том случае, если бы ты тонула.

– Значит, у нас есть хотя бы небольшой простор для маневра?

– Для маневра, но не для ошибки, – напрягся Рафаэль. – С моей стороны было бы вершиной глупости разрешить тебе пользоваться общественным транспортом.

– Знаешь, чем скорее ты поймешь, что у тебя нет полномочий разрешать мне что-то, тем скорее мы придем к решению, которое устроит нас обоих.

– Ты забываешь, что меня-то уже все устраивает. – Рафаэль довольно улыбнулся.

У Бет в который раз ощутила себя героиней задачи, в которой непреодолимая сила воздействует на нерушимую стену. Никто и никогда не ограничивал ее свободу так категорично.

– Ты всегда так упрям?

– Если дело касается вопросов безопасности, то да.

При всем своем упорстве Бет знала, когда нужно признать поражение. В данном случае стена в лице Рафаэля действительно оказалась нерушимой.

Она тяжело вздохнула:

– Ладно, я готова провести пару дней в Хэмпшире, но мне надо заехать домой за одеждой, в которой хожу на работу. После чего разрешу тебе отвезти меня на работу в лимузине. – Она сделала паузу и продолжила с вызовом: – Но я абсолютно запрещаю тебе переступить порог моего издательства. Договорились?

– Я не Цезарь...

– Поверь мне, я в курсе. Договорились?

Рафаэль внимательно посмотрел на Бет.

– Согласен, – кивнул он наконец и дал указания шоферу поворачивать к ее дому.

Эта локальная победа оставила Бет в сомнениях, выиграла ли она что-нибудь на самом деле. Или Рафаэль заранее предвидел такой поворот событий и был к нему готов.

* * *

– Грейс говорила, что в доме есть зал с тренажерами?

Рафаэль повернулся к Бет, прервав разговор с начальником английской службы безопасности Цезаря, встретившим их в холле особняка в Хэмпшире.

Бет вела себя непривычно тихо с той минуты, как увидела чужих людей, деловито шныряющих по комнатам ее дома. Молча поднялась в спальню за вещами, пока Рафаэль внизу обсуждал технические вопросы, и не проронила ни слова на обратном пути.

Рафаэль заметил, что девушка бледна.

– Да. Над гостевой спальней направо вверх по лестнице.

– Там есть боксерская груша?

Он заломил темную бровь:

– С моим портретом?

– Желательно. Впрочем, Цезарь тоже сойдет.

Рафаэль не мог понять, почему ровно в половине случаев реплики Бет вызывали у него желание рассмеяться, а в половине – задушить ее. На сей раз он не удержался от улыбки:

– Нет, но пока ты можешь просто пришить к мешку фотографию одного из нас. Тебя это утешит?

– Вполне.

Рафаэль нахмурился, увидев, что одновременно с потугами на юмор Бет едва сдерживает уже блестящие в глазах слезинки.

– Ты что, собираешься плакать?

Ужас в голосе Рафаэля мог бы развеселить Бет: как все большие сильные мужчины, он, скорее всего, не знал, как реагировать на женские слезы. Но сейчас ей было совсем не до смеха. Если ситуация в Аргентине казалась невыносимой, то в Англии ждал кошмар, который становился страшнее с каждой минутой.

– Может, ты заметил, что стало с моим домом? – Бет вся сжалась при воспоминании о целой армии техников и рабочих, превращавших дом, который она считала своим, в такую же неприступную крепость, как особняк Цезаря.

Взгляд Рафаэля выразил сожаление.

– Если бы ты подождала два дня, даже не заметила бы, что там велись какие-то работы.

– За исключением того, что я теперь не смогу открыть дверь или окно, не отключив сигнализацию. Это трудно не заметить.

– Ты говоришь как Грейс!

– Потому я отношусь к навязчивым идеям Цезаря по поводу безопасности так же, как она. – Бет задохнулась от возмущения. – Будь осторожен, Рафаэль. Если Грейс когда-нибудь настоит на своем, ты останешься без работы.

– Найду другую. Послушай, мои ребята вернут все на свои места, дом будет выглядеть точно так, как до твоего отъезда. Они профессионалы.

– Не сомневаюсь, – сказала Бет бесцветным тоном. – А теперь я думаю, что мне и вправду следует поискать тренажерный зал, пока я не заехала тебе в челюсть за неимением лучшей цели.

– Разве может быть лучшая цель, чем я?

– В данный момент я предпочла бы Цезаря. Мне надо выпустить пар, прежде чем я разнесу здесь что-нибудь.

– Скоро время обеда...

– Ну и что? Кстати, об обеде. Последняя повариха Цезаря – Грейс – сейчас в Аргентине и занята приготовлениями к свадьбе. Если ты рассчитывал, что готовить буду я, тебе не повезло. В нашей семье у плиты стоит она. – Бет удовлетворенно вздохнула, увидев, как озадаченно вытянулось лицо Рафаэля.

– Ты не умеешь готовить?

– Конечно, умею, но не собираюсь, – сообщила Бет, начиная успокаиваться и снова обретая уверенность. – А ты, Рафаэль? Сможешь что-нибудь состряпать?

– Бифштекс и печеную картошку, если очень надо...

– Сейчас как раз один из таких случаев, – удовлетворенно кивнула Бет. – По крайней мере до тех пор, пока Кевин не найдет замену Грейс.

Она еще не встречалась с личным помощником Цезаря в Англии, но сестра тепло отзывалась о нем после их собеседования, когда он нанимал ее на работу в хэмпширскую усадьбу в качестве домоправительницы и поварихи.

– Может, ты хотя бы снизойдешь до приготовления салата?

– Ну так и быть. – В глазах Бет сверкнули веселые искорки.

– Тогда попозже займемся обедом вместе.

Бет не знала, насколько мудро оставаться наедине и искать совместных занятий с этим конкретным мужчиной. Чем больше времени она проводила с Рафаэлем, тем сильнее ее мучило вожделение. Но она кивнула.

– Не возражаешь, если я сама выберу себе спальню наверху? – Ступив на широкую витую лестницу, Бет оглянулась через плечо, – Распорядись, чтобы доставили мои вещи. Я должна переодеться, прежде чем пойду искать боксерскую грушу.

Рафаэль поджал губы:

– Два дня назад ты лукавила, Бет.

– В чем же?

– Ты слишком быстро усваиваешь манеры «стриженого пуделя».

У Бет перехватило дыхание. Рафаэль хотел задеть ее за живое, и ему это удалось. Она не желала иметь ничего общего с Габриэлой Наварро: ни носить ее имя, ни выглядеть в глазах окружающих избалованной золотой девочкой. Она искренне надеялась, что в Англии сумеет вернуть себе прошлую жизнь – пусть даже с осложнением в виде Рафаэля, шныряющего где-то на заднем плане. Но пока ее не пускали даже в собственный дом. Нормальностью, которой она жаждала, все это даже не пахло.

– Недоброе замечание, Рафаэль.

– Я не знал, что тебе от меня требуется доброта, – холодно заметил он.

– Любой человек предпочтет ее жестокости. А что, собственно, такого ужасного в просьбе принести чемоданы?

Ничего. Всплеск раздражительности Рафаэля был вызван отнюдь не вполне резонным распоряжением Бет. Просто он только что в полной мере осознал, что в течение нескольких дней останется с ней один на один в пустом доме.

Недоумение Бет в ответ на неожиданную агрессию снова поколебало его намерение сохранять профессиональную сдержанность и отстраненный взгляд на ситуацию. Возможно, потому, что слово «профессиональный» имело очень мало отношения к тому, что он испытывал в присутствии этой женщины. Но если он хотел хорошо сделать свою работу, ему нужно было срочно взять себя в руки.

– Я скажу, чтобы чемоданы отнесли наверх.

Несколько секунд Бет не сводила с него тревожного взгляда. Ее глаза казались еще темнее на побледневшем лице.

– Спасибо.

– И ты даже не укажешь мне, что я должен был сразу ответить на твои распоряжения именно так?

– Нет.

– Странно. Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь? – Рафаэль позволил себе улыбнуться.

– Не совсем. Извини. – Она резко повернулась и убежала вверх по лестнице, как будто за ней гнались черти.

Рафаэль молча смотрел ей вслед, в растерянности сжимая и разжимая кулаки. Должен ли он пойти за ней и в сотый раз извиниться за то, что не проявляет достаточно сочувствия к трудному положению, в котором она оказалась? К ситуации, в которой от нее требовали стать кем-то, кем она себя не чувствовала? Или несвоевременная попытка примирения только усугубит конфликт?

Он дал семье Наварро, донельзя расстроенной новой разлукой с только что обретенной дочерью и сестрой, обещание оберегать Бет, чего бы ему это ни стоило. Но тогда Рафаэль не предполагал, что ему, возможно, придется защищать ее от самого себя.

Глава 4

Открыв дверь в спальню, Рафаэль с чемоданами в обеих руках на секунду замер на пороге:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.